

*А.В. Винобер**Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия*

**ПРОЛЕГОМЭНЫ К ЛЕСНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА 2024-2038 ГГ. (В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
БИОСФЕРНОГО ХОЗЯЙСТВА И НЕИСТОЩИТЕЛЬНОГО
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ)**

Огромный природный потенциал лесного комплекса России используется малоэффективно. Приведены основные причины неэффективного лесопользования. Необходимо вернуть леса в собственность государства и «выстроить» систему лесного комплекса России на основании научной парадигмы непрерывного, неистощительного пользования лесом.

Ключевые слова: лесное хозяйство, лесной комплекс, неистощительное лесопользование, лесная политика, биосферно-хозяйственный подход

В данном случае, под термином «пролегомены» автор подразумевает общую характеристику проблемной области исследования и основные методологические и философские установки к дальнейшему плану действий по разрешению проблемы и оптимальному развитию лесопользования в Российской Федерации.

В банальном понимании это может выглядеть как опыт предплановых дискуссий, имевший широкое распространение в эпоху «развитого социализма» в СССР в 1970-80е годы.

Отправной точкой мы возьмем сравнение развития лесного комплекса Китайской Народной Республики и лесного комплекса Российской Федерации в первые десятилетия XXI века.

Под лесной политикой будем подразумевать «политику государства в отношении лесов – охрану, воспроизводства и рациональное использование лесных ресурсов, необходимых обществу в настоящее время и в будущем» [4]. Или (еще одно уточняющее определение): «Национальная лесная политика есть совокупность ранжируемых, исходя из общественных приоритетов на каждом данном этапе, социальных, экологических и

экономических целей в области использования полезностей леса как совокупности природной среды и лесных ресурсов при данных институтах и инструментах, применяемых для реализации этих целей» [1].

Как отмечает В.Н. Крылов: «Китай (Китайская Народная Республика) в 2014 году переработал 250 млн. м³ древесины (из них – 180 млн.м³ – собственные) и произвел 104,8 млн. тонн бумаги и картона. В результате получено от услуг лесного хозяйства и реализации продукции лесного комплекса 721 млрд.долл. Россия в этом же году заготовила 202 млн.м³ древесины (все собственные) и получила около 12 млрд. долл.» [5]. Можно, конечно, оспаривать подобное статистическое сравнение, находить в нем изъяны и недочеты. Но бесспорно одно – лесной комплекс Китая (КНР) переживает в последние 35 лет период бурного развития.

Как утверждает А.Р. Безпалько: «Китай в последние десятилетия переживает бурный рост лесного сектора, который вывел малолесный Китай на место одного из крупнейших производителей лесных продуктов. Китай превратился в главного игрока мировой площадки по производству продуктов из древесины и торговле ими. ... В 2017г. на исследования в области новых технологий и инновационного развития в лесном секторе Китай выделил 29,5 млрд. долл. США... Через проведение серии крупных экологических проектов восстановления лесов таких, как программа охраны естественных лесов, запуск по всей стране обязательных мероприятий по посадке деревьев, а также программы развития баз быстрорастущего и высокоурожайного леса в лесопромышленных регионах, Китай добился увеличения площади лесов и объема лесных запасов и стал одной из стран с самым большим ростом объема лесных ресурсов в мире» [2].

Россия занимает первое место в мире по площади лесов и второе место по запасам древесины. Но мировая доля России в производстве древесины не превышает 2% [7].

Отсюда напрашивается вполне обоснованный вывод – огромный природный потенциал лесного комплекса России используется малоэффективно [1, 4, 5, 11 и др.].

Основные причины такого положения вещей или такой сложившейся эколого-экономической ситуации неэффективного лесопользования имеют давнее происхождение, и уже более ста лет никак не могут преодолеть инерцию нерационального хозяйствования в лесном хозяйстве России.

На сегодняшний день принято считать, что основными негативными причинами являются:

1. В России сырьевое использование лесов остается доминирующим на практике, хотя официально декларируется значимость социальных и экологических целей [1].

2. Разорванность и противоречивость, казалось бы, единых составных частей лесного комплекса: лесного хозяйства, лесопромышленного комплекса и социально-экологической роли лесных экосистем [11].

3. Ресурсный потенциал лесов европейской части страны, юга Сибири и Дальнего Востока существенно подорван истощительным природопользованием в прошлом столетии, а освоение еще не тронутых рубками лесов связано с необходимостью развития инфраструктуры [4].

4. Почти всегда доминируют промышленные интересы. Нужды других видов лесных пользователей (охота, побочное лесопользование, рекреационное пользование и др.) остаются без должного внимания [11].

5. Профилактика лесных пожаров в России остается постоянно на низком уровне и до настоящего времени не создана единая высокоэффективная федеральная служба лесопожарной охраны [3].

6. Несовершенство рыночной экономики остро бьет по лесному хозяйству – экологические и социальные функции леса, являющиеся главной целью ведения лесного хозяйства на большей части лесного фонда до настоящего времени остаются вне сферы рыночных отношений [4].

7. Многие авторы, особенно лесопромышленной ориентации, считают одной из основных причин неэффективного лесопользования многолетнее недоиспользование расчетной лесосеки в эксплуатационном фонде и утверждают, что расчетная лесосека реализуется в среднем не более чем на 25%, что привело в лесном хозяйстве к значительному накоплению спелых и особенно перестойных древостоев, что резко ухудшает качество лесного фонда, способствует захламленности лесов, повышению рисков возникновения пожаров, развития очагов вредителей и болезней леса [7].

По этому поводу нет, и не было единого мнения. Еще Н.П. Анучин (1968) отмечал, что «основным недостатком существующих методов определения размера пользования лесом является неизбежность субъективных подходов, зависящих от лиц, пользующихся этими методами расчета» [цит. по 6].

В качестве наглядного примера можно привести современный опыт расчетной лесосеки Нижнего Приангарья, где дефицит сырья (без учета экологических ограничений) составит не менее 3,8 млн.м³, что неизбежно приведет к деградации эксплуатационных лесов [11].

Почему сторонники 25% использования расчетной лесосеки никогда не задают себе вопрос: каким образом при таком крайне слабом использовании расчетной лесосеки у нас в России оказались истощены почти все экономически доступные леса? И откуда берутся ежегодные перерубы расчетной лесосеки при её постоянном недоиспользовании?

Как отмечают А.С. Исаев и Г.Н. Коровин: «Площадь гарей и погибших насаждений почти на порядок больше площади вырубок лесов, а потери лесного хозяйства вследствие пожаров превышают не только расходы на охрану лесов, но и общие расходы на ведение лесного хозяйства» [4].

Всегда удивляет тот факт, почему радители «недоиспользования расчетной лесосеки» не учитывают качество и давность сроков лесоустройства?

Ведь нередко оказывается, что спелые и перестойные леса давно были пройдены пожарами, и действительный запас деловой древесины в них совсем не соответствует тем лесоустроительным материалам, на которых основывают расчетную лесосеку, не говоря о том, что большая часть расчетной лесосеки оказывается экономически и технически недоступна, и потому рубят то, что стоит поближе, то есть, заведомо нарушая и расчетную лесосеку и основные принципы неистощительного пользования лесом [8].

По мнению исследователей лесного хозяйства, лесные законодательства (1993, 1997, 2006) убедительно показывают несостоятельность лесоправления лесной политики в России [11].

Точнее, можно сказать, что вся система государственного управления лесами была разрушена в «лихие 90-е» XX века и до сих пор не произошло её полноценного восстановления.

Как считает Н.А. Моисеев: «Экономическая сторона дела в лесоустройстве выпала в 30-х гг. XX века, да так и не была восстановлена до сих пор. По этой причине лесоустроительные проекты и не смогли стать надежной основой для оперативного планирования лесного хозяйства» [8].

Как отмечают А.С. Исаев и Г.Н. Коровин: «Необходимость в стабильной и последовательной лесной политике обуславливается исключительной длительностью жизненного цикла лесных экосистем, измеряемой десятилетиями и столетиями. В течение одного жизненного цикла лесных экосистем происходят десятки ротаций государственной исполнительной и законодательной государственной власти, изменения в государственном устройстве и социально-экономическом развитии страны. Частая смена приоритетов и целей лесной политики представляет большую опасность для лесов, чем лесные пожары, массовое размножение вредных насекомых и болезней леса. Формирование и проведение стабильной и последовательной лесной политики в таких условиях может и должно базироваться на признании приоритетов природы перед экономическими

законами, долгосрочных интересов перед краткосрочными, сиюминутными выгодами» [4].

Не надо забывать о том, «что базовые цели по сохранению таких функций лесов как обеспечение кислородом, рекреационная, защита биоразнообразия, водо- и почвоохранная и другие – остаются на протяжении существования человечества» [1].

К примеру, как можно воспринимать логику «целлюлозно-бумажного и лесопромышленного лобби», сетующего на отсутствие строительства новых ЦБК в «неосвоенных лесозаготовительных регионах страны», если они сами утверждают, что «в настоящее время 56% целлюлозы в мире производится из плантационной древесины и себестоимость целлюлозы из плантационной древесины на 30-40% ниже, чем из древесины северных стран», а также, что «за последние годы средняя рентабельность отрасли (ЦБП) снизилась в 2 раза» и что «необходимо преодоление технической и технологической отсталости большинства предприятий целлюлозно-бумажной промышленности в России», в то время, как известно, что за последние 20 лет несколько десятков ЦБК обанкротились и закрылись в Канаде, США, Финляндии, Швеции» [5]. Ведь в таком случае, такой призыв нацелен только на неэффективное расходование государственных инвестиций и на заведомую неконкурентоспособность целлюлозно-бумажной отрасли.

О какой эффективности лесного хозяйства можно говорить, если на одного работника лесничества приходится 55 тысяч гектаров леса, а в многолесных районах – более 300 тысяч гектаров леса [7]?

Как считают А.С. Исаев и Г.Н. Коровин: «Лесная политика должна быть основополагающим документом, на основе которого разрабатывается стратегия развития лесного комплекса, принимается адекватное ему законодательство, готовятся национальные лесные программы (планы), как ориентиры для всех субъектов лесных отношений» [4].

Принципиально – если мы нацелены на эффективность лесной политики и государственного управления лесным комплексом Российской

Федерации, прежде всего, необходимо вернуть леса в собственность государства и «выстроить» систему лесного комплекса России на основании научной парадигмы непрерывного, неистощительного пользования лесом, основы которой заложили лесоводы Г.Ф. Морозов и М.М. Орлов, внедрению которой и полноценному развитию помешало разрушение СССР и либерально-рыночные реформы 90-х годов XX века.

Основой этой парадигмы является рациональное (неистощительное) многоцелевое лесопользование, где лесное хозяйство представляет собой «взаимосвязанную систему лесных ресурсов и деятельности людей, направленную на охрану, расширенное воспроизводство и регулирование использования этих ресурсов в соответствии с социальными и экономическими потребностями общества во всех лесных полезностях, а также с возможностями общества по рационализации природопользования, а лесным комплексом является совокупность лесных ресурсов и базирующейся на этих ресурсах деятельности людей, направленной на оптимальное использование всех многообразных полезностей леса в соответствии с социальными и экономическими потребностями общества при расширенном воспроизводстве этих полезностей и самих ресурсов» [13].

При биосферно-хозяйственном подходе «при организации хозяйственной деятельности в первую очередь необходимо позаботиться о том, чтобы спланировать её с учетом сохранения экологического баланса территории» и, соответственно, формирования «устойчивости геосистем в условиях интенсивного хозяйственного их использования и управления качеством окружающей среды» [10].

В качестве аксиологического критерия биосферно-хозяйственной деятельности, всегда необходимо учитывать, что «природные ресурсы – это пространственно обособленные концентрации необходимых для жизнедеятельности общества компонентов природы, эксплуатация которых технически возможна, экономически эффективна и экологически допустима» [9].

Одной из важнейших задач лесной политики и новой системы биосферного хозяйствования в лесном комплексе является преодоление абсолютного доминирования сырьевой ориентации лесопользования. Потому как, «несмотря на общепризнанное многостороннее значение лесов, хозяйственная ценность их измеряется практически лишь стоимостью древесины (в лучшем случае учитываются побочные продукты: грибы, ягоды, лекарственно-техническое сырье, охотничья фауна), т.е., вещественные части лесного биогеоценоза. Другие полезные средообразующие функции до сих пор не получили количественного, а тем более стоимостного измерения, что снижает действительное экономическое значение лесных ресурсов и отрицательно сказывается на их рациональном использовании, охране и воспроизводстве» [14].

Также важен учет в становлении новой лесной парадигмы «социоэкологического принципа природопользования, ориентированного на воспроизводство и развитие качества жизни на всех уровнях системы «общества и природы» [12].

Принцип эколого-системной ценности леса можно продемонстрировать на простом примере.

Ежегодно в Российской Федерации площади лесных пожаров охватывают в среднем от 3 до 5 млн. гектаров (в 2023 году министр природных ресурсов назвал цифру 3,4 млн. гектаров, но независимые эксперты считают её явно заниженной, что весьма вероятно – А.В.). Если оценить совокупную экосистемную и природоресурсную стоимость одного гектара леса хотя бы в 1000 долл. США (это вполне умеренная оценка – А.В.), то прямые эколого-экономические потери от лесных пожаров в 2023 году можно оценить в 3,4 млрд. долл. США (кто сомневается в подобной стоимости одного гектара российского леса – пусть попробует решить простую задачу: создать за 1000 долл. США один гектар лесной экосистемы равноценной естественному лесному биогеоценозу).

Вопрос исторического персонажа Гамлета заключается в том: нужно ли Российской Федерации высокоэффективное многоцелевое неистощительное пользование лесом в виде государственной системы лесного комплекса?

При положительном ответе на этот вопрос, государство и общество смогли бы найти ресурсы и механизмы, позволяющие осуществить этот долгосрочный проект в течение 2024-2038 гг. В качестве примера мы приводили отдельные фрагменты опыта Китайской Народной Республики, в течение 15 лет вышедшей на передовые позиции в мировом лесопользовании.

Безусловно, у нас всегда есть своя неповторимая специфика. Но такой проект, помимо эколого-экономических целей, мог бы иметь громадный внутренний социально-идеологический и внешний геополитический эффект. Это, своего рода, синтез двух проектов XX века, осуществленных в СССР («Целина» и «Байкало-Амурская магистраль»), но не в коем случае это не должна быть имитационная акция по принципу: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н. Е. Лесная политика: теория и применение // Пространственная экономика. 2010. №2. С. 33-52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lesnaya-politika-teoriya-i-primenenie> (дата обращения: 06.06.2023).
2. Беспалько А.Р. Эффективность государственно-частных инвестиций лесного сектора Китая // Мат. VII Всерос. науч.-тех. конф. «Леса России: политика, промышленность, наука, образование. (Санкт-Петербург 22-27 мая 2022). – СПб. 2022. С. 52-55.
3. Винобер А.В. Профилактика лесных пожаров: в поисках оптимальной модели // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2022 № 6 (47). С. 68-72.
4. Исаев А. С., Коровин Г. Н. Лесная политика и законодательное обеспечение // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2013. №4 (96). С. 15-24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lesnaya-politika-i-zakonodatelnoe-obespechenie> (дата обращения: 06.06.2023).
5. Крылов В.Н. Современное состояние актуальных проблем развития целлюлозно-бумажной промышленности России // Мат. науч.-тех. конф. «Леса России: политика, промышленность, наука, образование. (Санкт-Петербург 13-15 апреля 2016). Т.1. – СПб. 2016. С. 209-213.

6. Литвиненко В.И. Размещение лесохозяйственного производства Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. – 170 с
 7. Макара С. В., Нецадин А. А. Развитие лесного потенциала России: экологические приоритеты // Экономика. Налоги. Право. 2014. №6. С. 42-48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-lesnogo-potentsiala-rossii-ekologicheskie-prioritety> (дата обращения: 06.08.2023).
 8. Моисеев Н.А. Триада – лесоуправление, лесоустройство и лесная экономика в трудах проф. М.М. Орлова // Лесной вестник. 2008. 1(58). С. 5-9.
 9. Разумовский В.М. Эколого-экономическое районирование (теоретические аспекты).- Л.: Наука, 1989. – 156 с.
 10. Селедец В.П., Воробьева Т.Ф., Поярков Б.В. Основные задачи и пути формирования природоохранных комплексов (на примере Дальневосточного региона) // Природоохранные комплексы Дальнего Востока: Типологические особенности и природоохранные режимы. Владивосток: ДВНЦ АН СССР. 1984. С. 4-21.
 11. Соколов В. А., Втюрина О. П. Основы оптимизации лесопользования в Сибири // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2008. №1. С. 214-218. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-optimizatsii-lesopolzovaniya-v-sibiri> (дата обращения: 06.06.2023).
 12. Социально-экологические системы как объект управления / Г.А. Бачинский, В.И. Мамонов, Ю.Г. Марков и др. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – 238 с.
 13. Шейнгауз А.С. Многоцелевое лесопользование: опыт разработки системы понятий // География и природные ресурсы. 1984. 2. С. 11-19.
 14. Эколого-экономическая роль леса / Б.С. Спиридонов, Л.С. Морева, О.А. Шараева и др. – Новосибирск: Наука, 1986. – 127 с.
-

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

**PROLEGOMENA TO THE FOREST POLICY OF THE RUSSIAN
FEDERATION FOR 2024-2038 (IN THE CONTEXT OF THE
DEVELOPMENT OF BIOSPHERE ECONOMY AND SUSTAINABLE
NATURE MANAGEMENT)**

The huge natural potential of the Russian forest complex is used inefficiently. The main reasons for inefficient forest management are given. It is necessary to return forests to state ownership and "build" the system of the Russian forest complex on the basis of the scientific paradigm of continuous, sustainable use of forests.

Keywords: forestry, forest complex, sustainable forest management, forest policy, biosphere-economic approach

Поступила в редакцию 9 августа 2023